

В глухих диких местах, на дороге для беженцев, где от голода люди уже обглодали кору со всех деревьев, Бянь Хун, скорчившись в небольшой ямке в земле, защищённой от ветра, среди глубокой ночи вновь вздрогнул и проснулся от кошмара.

Прикрытые его исхудавшим телом, в дальней стороне ямки лежали двое детей, такие же истощённые, с желтоватым лицом, укутанные в рваные ватные куртки. Ребёнок постарше подполз ближе и ладонью коснулся мокрой от пота спины Бянь Хуна:

— Брат, тебе опять дурной сон приснился?

Руки Бянь Хуна всё ещё подрагивали, но, как обычно, он спокойно успокоил ребёнка за спиной:

— Сейчас брату полегчает. Юаньдин, почему ты ещё не спишь? Завтра нам идти очень далеко.

Голодные, большие глаза Юаньдина стали ещё беспомощнее:

— Я не сонный... не могу уснуть.

Бянь Хун знал, что тому не спится от голода, но мальчик явно не хотел об этом говорить, боясь, что еды недостаточно. Тогда он достал из внутреннего кармана крошечный бумажный свёрток, аккуратно развернул его и отломил внутри крохотный кусочек лепешки-цзяньбиня:

— Вот, поешь сначала. Поешь и уснёшь, а не то завтра у тебя сил не будет идти.

Три с лишним месяца они скитались, спасаясь от голода, от безурожайной осени и вплоть до начала зимы. Все деньги и припасы давно подошли к концу; по дороге попадались лишь пустые деревни и разрушенные дома, людей там уже не осталось. От голода и холода им было уже не до того, чтобы даже просить подаяние - нищим сейчас было нечего дать и некому дать.

Юаньдин, не отрываясь, смотрел на цзяньбин и сглотнул слюну. Этот маленький кусочек грубой жареной лепёшки пролежал уже много времени, и даже несмотря на то, что Бянь Хун бережно его хранил, он всё равно выветрился и затвердел. Но для голодного ребёнка он по-прежнему оставался непреодолимо притягательным.

Однако Юаньдин всё же сначала подтолкнул руку Бянь Хуна:

— Брат, ты тоже поешь.

Бянь Хун днём силой протолкнул в себя горсть травы и древесной коры, и теперь у него в животе жгло огнём:

— Брат есть не будет, брат наелся.

Только тогда Юаньдин сунул крошечный кусочек лепёшки себе в рот, но, подумав, всё же выковырнул половину назад и вложил её в ротик спящему сзади младшему брату:

— Гуаньбао, открой ротик, съешь кусочек и спи дальше.

Двое детей почти не пережёвывая проглотили сухой, потемневший и твёрдый цзяньбин. Хоть голод и не прошёл, им стало заметно легче, и они, притиснувшись друг к другу в рваных ватных куртках, наконец устроились рядом с Бянь Хуном и уснули. Тело старшего брата было для них в этом жестоком мире последним и единственным прибежищем.

А Бянь Хун, прижимая к себе эти две хрупкие жизни, чьи сердца, однако, бились так же отчаянно и яростно, как у маленьких птиц, оставался настороже, охраняя их от тех, кто в голоде мог позариться даже на детей. Он молча смотрел на луну над земляной ямкой и долго не произносил ни звука.

Он не раз думал: пусть этот мир и иной, но луна в нём такая же, она всегда чистая, безмолвная, наблюдающая за людскими радостями и горестями, встречами и расставаниями...

В шестнадцать лет его, подростка из небольшого городка, вывезли из родного сиротского приюта и обманом заставили работать нелегально в чужой стране. Несколько лет скитаний, бесчисленных опасностей, и когда он, чудом избежав гибели, наконец добрался обратно до приюта, его настигло катастрофическое землетрясение. Мощь стихии оказалась столь страшной, что привычная, надёжная земля в тот день будто превратилась в кипящую мутную волну, с ревом вздымающуюся к небу.

В тот день верх и низ словно поменялись местами, убежать не успел никто: Бянь Хун вместе со своими только что найденными снова друзьями из приюта и учителями был погребён глубоко под землёй. В ржаво-пыльной тьме он видел, как одна за другой угасают знакомые жизни. Бянь Хун потерял единственное место, которое можно было назвать его пристанищем в этом мире, а затем и сам, в полном бессилии и отчаянии, потерял сознание.

А когда очнулся, то оказался уже в другом мире - его подобрала семья крестьян по фамилии Минь. Они рассказали, что нашли его в горной расщелине, когда ходили за хворостом. Забравшись посмотреть, супруги увидели, что он весь в пыли и без сознания, но, к счастью, ещё дышит. Тогда на нём всё ещё была та самая грязная рабочая одежда, в которой он бежал из подпольной угольной шахты, а в кармане лежали последние тридцать пять помятых бумажных юаней. На шее висел медный амулет-чанминсо, который был при нём с тех пор, как его впервые привели в сиротский приют. Кроме этого, за шестнадцать бурных лет у него не накопилось совершенно ничего.

В доме крестьян он несколько дней просидел в оцепенении, постепенно убеждая себя в одном: должно быть, тот малыш Толстячок, А-Дин, Чжэн Дэ, учитель Сюй и другие, что были при нём во время землетрясения, тоже, как и он, оказались в других мирах и теперь живут там своей

жизнью. Наверное, они все живы... пусть и больше никогда не встретятся.

Супруги Минь относились к Бянь Хуну очень хорошо, нашли ему несколько подходящих вещей и обувь, но при этом оба постоянно выглядели печальными. Лишь расспросив, он узнал, что незадолго до того они потеряли своего единственного сына, Минь Си, а спустя несколько дней нашли в горах его самого. Они считали, что это небеса даровали им утешение за их несчастья.

Постепенно Бянь Хун обосновался в семье Минь, и под доброжелательной защитой и молчаливым согласием односельчан занял место Минь Си в домовой книге, которую тот не успел отменить. Под предлогом того, что он вырос, он снова прошёл в управе процедуру записи отпечатков пальцев и стоп, а также отметок внешности.

Лишь позже он заметил, что в центре страниц его домовой книги отчётливо выделялся цветочный водяной знак. Тогда Бянь Хун решил, что так устроены все документы, но позже узнал: в этом мире не все мужчины являются просто мужчинами. Существовали и редкие подвиды - двуполые, способные рожать детей.

Покойный Минь Си как раз и принадлежал к таким людям, и Бянь Хуну ничего не оставалось, кроме как принять оставленную тем личность. В конце концов, тело у него своё, и с этим миром оно никак не связано, а жить в деревне это ему не мешало - быть живым уже само по себе было счастьем.

Позже у супругов Минь родился Юаньдин, а ещё через четыре года женщина снова забеременела Гуаньбао. Муж и жена считали, что Бянь Хун их счастливая звезда, а сам он лишь молчал. Когда Гуаньбао только появился на свет, за порогом всё сильнее вспыхивали мятежи, повсюду свирепствовали голод, эпидемии и рекрутские наборы.

Крестьянка умерла от сильнейшего кровотечения после родов, и Бянь Хун, держащий на руках крошечного Гуаньбао, мягкого, худенького, словно красный комочек плоти, ничего не мог поделать.

Затем, когда на передовой погибло слишком много людей и набору в войска уже не хватало рекрутов, даже в их уезде стали силой забирать в солдаты простых крестьян. У крестьянина здоровье и так было слабое, да и всё время приходилось лечиться, а ещё на руках двое малых детей. В тот день Бянь Хун достал из сундука ту самую старую рабочую спецовку, в которой пришёл из чёрной угольной шахты, надел её под грубую домотканую одежду, пересчитал тридцать пять оставшихся юаней, ощутил под пальцами холод меди на своём амулете. Как он сюда пришёл, так и должен уйти.

— Я пойду воевать за тебя, — сказал он.

После этого крестьянин, не видя иного выхода, прижал голову Юаньдина, прижал к груди Гуаньбао, которому без матери оставалось пить лишь рисовый отвар, и всей семьёй поклонились Бянь Хуну до земли. Бянь Хун поклона не принял, отступил в сторону. На следующее утро, пока ещё не рассвело, взял домовую книгу и сам отправился к вербовочному

посту у въезда в деревню. Вместе с несколькими немногими оставшимися в деревне здоровыми мужчинами он ушёл на войну.

И пропал там на три года.

Поле брани, особенно в эпоху холодного оружия, походило на гигантскую мясорубку и оказалось для Бянь Хуна чудовищно жестоким. На его глазах голову боевого товарища рассекли наполовину, и горячая красно-белая кровь брызнула ему в лицо; заботившийся о нём у-чжан был раздавлен боевой колесницей, кишки и внутренности вывалились наружу, и Бянь Хун смог собрать лишь горсть мяса, чтобы похоронить; самый младший в их отряде не выдержал, ночью попытался сбежать, его поймали, подвесили у ворот лагеря и избили до окровавленных лоскутов кожи, и в летнюю жару он сгнил заживо...

Узнавать лица не было смысла: прежде чем запомнишь имя, человек уже умирал. Он убивал чужих в оцепенении, так же в оцепенении наблюдал, как убивают своих. Когда трёхлетний срок службы закончился, воины с достаточными заслугами могли получить повышение или вернуться домой. Бянь Хун с отчаянным нетерпением попросил об отставке и начал собирать свои жалкие пожитки - ему не нужны были ни чины, ни награды, он лишь хотел уйти от этого огненного горнила войны.

Но в этом мире у него больше не осталось иного пристанища, и Бянь Хун решил вернуться в дом крестьянина. Однако его ждал лишь наполовину вымерший от чёрной болезни и окончательно добитый великой засухой разорённый посёлок. Тело хозяина, умершего в эпидемию, уже сгнило и приросло к деревянной лежанке, глаза остались открытыми, словно у живого мертвеца; двое детей, спрятавшись в дровяном сарае, были истощены до состояния привидений.

И всё же они выжили.

Бянь Хун предал тело крестьянина земле, затем сжёг дом. Они втроём опустились на колени и поклонились, таким образом проводив крестьянина в последний путь. Пылающее пламя отражалось в глазах Бянь Хуна, давно уже иссохших до того, что слёзы не шли, и жгло их.

Крестьянин и соломенная хижина рухнули в огне, рассыпав вокруг клубы пепла. Он в который раз лишился своего человеческого приюта. Двое детей крепко прижимались к его ногам, не желая отходить ни на шаг. Тогда Бянь Хун обменял накопленные за годы службы в войске кровавые деньги на чрезвычайно дорогой дорожный пропуск и сухие припасы, взял малышей и вместе с ними отправился в бегство от голода.

Помнилось, что у крестьянина Миня был двоюродный брат, живший в месте под названием Наньци-Вадзы, и отношения у них были неплохими. Бянь Хун решил, что должен отвести детей туда и попытаться вымолить для них хоть какую-то дорогу к жизни.

Сам он воспитать их не мог, потому что знал - он болен. Спокойно и трезво он понимал: возможно, это последствия тех трёх лет на войне, возможно, отголоски землетрясения, когда в

темноте под завалами он слышал, как один за другим затихают дыхания; а может - бесконечный грохот машин в чёрной угольной шахте, куда не проникал солнечный свет, и едкий запах дешёвого пороха, когда взрывали породу...

У него появились неконтролируемые склонности к самоуничтожению, чувства притупились. Он избегал любых связей с незнакомыми людьми, все время был настороже и вздрагивал от малейшего шороха. Ночами он почти не спал, постоянно видел кошмары.

Он не мог взять на себя ответственность за две маленькие жизни. Когда он в очередной раз, стоя на краю высокой скалы, подавил охвативший его порыв шагнуть вниз, он окончательно убедился в этом.

Настало утро. После того как ночью Бянь Хун с заострённой веткой отогнал две группы голодных бродяг, которые украдкой подбирались к ним с дурными намерениями, дети прожили ещё одну ночь в безопасности.

Среди бегущих от голода люди тоже держались группами: одни брели целыми семьями, у других уже никого не осталось, и тогда они сплачивались в шайки, чтобы грабить других. Но старики и дети чаще всего не выдерживали лишений, потому живых оставалось немного. Некоторые купцы или богатеи пользовались этим временем, чтобы торговать людьми: за юную, цветущую девушку давали всего лишь две чашки проса, многие продавали жён или дочерей ради нескольких глотков еды.

Бывали и ещё более страшные вещи: Бянь Хун видел однажды, как в ночной пустоши отчаяния и голода двое обменялись своими детьми - кожа да кости, надеясь таким образом продлить себе жизнь. Сухие деревья, холодная луна - и на этом фоне застывшее, окаменевшее лицо ребёнка...

В ту ночь у Бянь Хуна снова случилось обострение. Всякий шорох казался угрозой, и он, как зверь, насторожённо прижимал к себе Юаньдина и Гуаньбао, не сомкнув глаз до рассвета.

Лишь совсем недавно положение немного улучшилось. Пути, по которым шли беженцы, стали в основном постоянными, а те, кто выдержал этот долгий тяжёлый путь, постепенно вышли из самых разорённых мест. И хоть стояла ранняя зима, в здешних краях уже попадались редкие, но всё же уцелевшие в засухе растения. А если видишь зелень, значит, видишь шанс выжить.

Но и здесь многие умирали, наелись по ошибке ядовитых растений или ягод, не дожив до того мгновения, когда надежда наконец стала ощутимой. Запасы грубых лепёшек у Бянь Хуна были полностью исчерпаны, вчера последний кусочек он вложил в рты детям. Теперь он мог лишь ежедневно собирать несколько видов грибов и диких трав, но с каждым днём холода становилось больше, а съедобного всё меньше. Если везло, удавалось поймать кролика или мышь, но редкое мясо неизменно привлекало к себе жадных и голодных людей, и за него приходилось яростно драться. Бянь Хун за эти недели ввязался в несколько жестоких схваток, и каждая из них была на грани смерти.

От голода люди превращались в волков, насекомых, тигров и леопардов - в безжалостных хищников. Крупных диких зверей поблизости почти не осталось, и в этом было и плохое, и хорошее: плохо - что взять мясо было неоткуда, хорошо - что и самим не приходилось опасаться, что их сожрут.

Но стоило беженцам сегодня пересечь границу уезда Яньчжоу, как их тут же окружил отряд солдат. Некоторые бездомные бродяги, не имеющие дорожного пропуска хумынь-бу, да и всякие, у кого за плечами были проступки, ссутулившись, прятались в толпе, надеясь воспользоваться суматохой и ускользнуть. Однако Бянь Хун с первого взгляда понял: эти солдаты вовсе не похожи на тех, кто прошёл через настоящие кровавые сражения. Зато офицеры - мясистые, лоснящиеся, бритые наголо, тянули за собой ещё и коробки с домовыми книгами. Он сразу вспомнил, как у ворот деревни крестьянина шёл набор в войско.

Пока он об этом думал, солдаты, по-видимому уже привычные к подобным операциям, сомкнули кольцо вокруг толпы беженцев, придавили нескольких, кто попытался бежать, и начали проверять документы одного за другим.

— Сейчас у императорского двора тяжёлые времена, как никогда не хватает людей. Префект Яньчжоу уже распорядился: всех здоровых мужчин в подведомственных землях направить в войска на защиту страны, — не успел договорить старший офицер, державший список, как один из бродяг, сообразив неладное, сорвался с места и побежал.

— Ха! Ещё и бежать вздумал, у этого дедушки на глазах! — гаркнул офицер. — Живо! Поймать его! Сначала всыпать как следует, потом отправить в главный лагерь!

В толпе поднялся шум и крики, но вскоре обессиленных долгим путём и полуголых от нищеты беженцев быстро усмирили, и им ничего не оставалось, как покорно присесть на землю и ждать, пока солдаты будут проверять каждого, словно просеивая через сито.

Всех, кто не имел домовой книги, «чёрных» людей, а также тех, кто шёл без дорожного пропуска, тут же схватывали и, невзирая на протесты, заковывали в железные цепи. Их дальнейшая судьба была понятна без слов.

Когда очередь дошла до Бянь Хуна, солдаты, увидев, что он не пытается ни бежать, ни буянить, да ещё при нём двое детей, не стали обращаться с ним грубо. Лишь когда Бянь Хун достал дорожный пропуск, молодой солдат удивился: в эти годы бедствий и голода пропуск было почти невозможно достать. Именно потому офицеры и решились без зазрения совести хватать среди беженцев всех годных мужчин: за таких никто не заступится, никто не станет задавать лишних вопросов, и докладывать начальству легко. Но они явно не ожидали наткнуться на человека с настоящим пропуском.

Пропуск был сложным в изготовлении документом; и пункт отправления, и пункт назначения имели у себя его копии, подделать его было практически невозможно. Солдат, внимательно изучив пропуск Бянь Хуна, с удивлением окинул его взглядом с головы до ног, затем повернулся и крикнул:

— Фувэй*! Тут у нас мелкий офицер, что уволился из ху-бэнь-цзюня!

(ПП: фувэй - заместитель офицера)

Жирный, лоснящийся фувэй, услышав это, поспешно подошёл проверить. Он внимательно изучил пропуск, затем велел людям открыть короб с домовыми книгами. В присланных месяцах назад резервных копиях действительно нашлась запись о Бянь Хуне - сверили: всё сходилось, ни ошибки, ни несоответствия.

Фувэй кивнул:

— Хм, немногие способны живыми вернуться из передовых частей ху-бэнь-цзюня, а ты ещё и сяоцзяо... Видно, заслуг у тебя немало. Моё почтение, моё почтение.

К тому же цветочный знак на его пропуске ясно показывал, что этот мелкий офицер - ланцзюнь, мужчина, способный рожать, явление тем более редкое.

Хотя из-за многолетних войн и голода население резко сократилось, и ланцзюням уже разрешали, как и обычным мужчинам, служить в войске, однако в армии их обычно ждали лишь притеснения и домогательства. А уволившимся ланцзюней почти никто не хотел брать в супруги. Поэтому встретить такого человека было редкостью, а уж того, кто ещё и заслужил почёт, тем более.

Фувэй, движимый любопытством, уже протянул руку, чтобы откинуть волосы, закрывающие половину лица Бянь Хуна, но тот сразу весь напрягся и поднял голову, насторожённо глядя на него. Взгляд фувэя упёрся в налитые кровью глаза, скрытые растрепанными волосами.

Рука фувэя дёрнулась, он невольно отступил на шаг. В душе он отметил, что этот маленький ланцзюнь вовсе не так хил и незащищён, как кажется. Загнанных в угол людей обычно лучше не трогать.

<http://bllate.org/book/13502/1199885>